

ЦЕПИ АТАМАНА

Против пенной волны
Наши вышли челны,
Удалым атаманом ведомые.
Он лишь саблей взмахнет —
И гроза полыхнет,
И туманы ложатся бедовые.

Поменял образок
На тугой поясок,
Изумрудом расшитый и яшмою...
Только плеткой встряхнет —
И Самару сметет,
И Казань с погребами и башнями.

Высоко ставит стан
Над рекой атаман.
Пьет до доньшка чашу глубокую...
Рукавом поведет —
И в шатер приведет
До рассвета княжну темноокою.

Быть ему на коне
В златоглавой Москве,
Если б други не сдали любезные.
Молчаливый силач —
Государев палач —
Руки втиснул в оковы железные.

Отчего сам не свой
Атаман удалой,
Отчего угнетаем сомненьями?
Он плечо распрямит —
Глухо цепь загремит
Возле плахи пудовыми звеньями.

РАЗДЕРИХИНСКИЙ ОВРАГ

На разбуженной брусчатке —
Перестук и перезвон.
В куполах старинной Вятки
Лик московский отражен.

На семи холмах зеленых
Вятка молится Христу.
Как в столице, чахнут клены
В Александровском саду.

Есть еще примета края,
Где разросся кое-как,
Всю Россию разъедая,
Раздерихинский овраг.

Древний склон зарос крапивой,
Но жива о нем молва:
Здесь, над братскою могилой,
Шелестя, растет трава.

Две столкнул однажды рати
Темной ночью грозный яр:
Устюжан здесь резал вятич,
Принимая за татар.

На заре остыла битва...
Смотрит вятич — невпопад
Тут и там среди убитых
Православные лежат.

Нас беда не вразумила —
Бьем по-прежнему сплеча!
Сколько мы своих с могилой
Повенчали сгоряча...

А потом целуем камни
И печаль несем в кабак.
И все глубже окаянный
Раздерихинский овраг.

РОДНЯ

Завтра выйду родных привечать —
Будем долго сначала молчать.
Захмелев за широким столом,
«Ямщика» до конца не споем.

Что-то с нашей случилось семьей.
Это раньше мы были родней!

Развела нас лихая пора:
Кто — в охранники, кто — в маклера.

Под иконы нечистый пролез:
Зять — католик, свояк — экстрасенс,
У сестры — белой-белой, как снег —
Подрастает сынок Джанибек.

Невпопад мы поем, невпопад...
Кто — за Сталина, кто — демократ.
И такая меж нами Чечня,
Не чужая ли это родня?

Я из дома до срока уйду,
В чистом поле в траву упаду.
Загорится над полем звезда
Ледяная, как наша вражда.

* * *

Ю. Кузнецову

Я стою у темного креста.
Землю запустила непогода.
День рожденья намертво черта
Приковала к вечеру исхода.

Кто почил здесь? Господи, спаси!
Подступаю к памятнику ближе.
Вот те раз! На мраморе свои
Числа закольцованные вижу.

Кровь рябины, алчная, горит,
Ветер — то залает, то засвищет.
Сердце не тоскует, не болит
И следов минувшего не ищет.

Что лукавить — страшно умирать.
Жить сначала — тягостнее доля:
Все равно, что заново вспахать
Пахарю засеянное поле.

СПАС НА КРОВИ

Он горит и не сгорает
В белом олове зари,
Достает крестом до рая
Храм, стоящий на крови.

А вокруг — земля дымится
От крыльца до алтаря,

Где однажды, как водица,
Расплескалась кровь царя.

...Кони. Камни. Гул колесный.
Полыхнуло. Обожгло...
И страдалец венценосный
Только выдохнул: «За что?..»

Храм горит. Он тоже страдает,
Смотрит жадно на восток —
Бывший склад и бывший даже
Городской просторный морг.

Помнит купол оскверненный
Грозовой блокадный ад
И застрявший восьмитонный
В ребрах апсиды снаряд.

Загудели, дрогнув, стены,
И под куполом тогда
Проступил благословенный
Лик распятого Христа...

Храм теперь — музей публичный:
В шапках топчется народ,
И о фресках мозаичных
Бойко врет экскурсовод.

Нет молитвы покаянной.
Лишь, вздыхая тяжело,
Незалеченные камни
Шепчут: «Господи, за что?..»

Петербург. Зима. Светает.
У луны тускнеет медь.
Храм горит и не сгорает,
Только некого согреть.

* * *

Я попал на великую сходку
Бородатых серьезных людей,
Где стихами тревожили глотку
Дотемна о России моей.

Шум стоял, надувались аорты,
И рыдали гитары навзрыд,
Двум поэтам начистили морды
После давеча спетых молитв.

Нараспашку, как водится, душу...
Бродит злоба в очах голубых.

Дай дубину — любого порушат,
Но сначала прикончат своих.

«За Царя!.. И Россию — для русских...»
Я грустил и смеялся до слез —
На подносах вина и закуски
В зал татарин раскосый принес.

Все с обеда не ели ни крошки;
Помолились опять на восток,
Где в еще незамерзшем окошке
Золотой трепетал огонек.

* * *

В те дни застойные, когда
Союз еще не канул в вечность,
Мы были все же человечней,
Чем в современные лета.

Свободе не учили нас —
Травую храмы зарастали,
А все ж мы были христиане
Поболе, нежели сейчас.

Свобода — это пустота:
Ее бы чем-нибудь заполнить...
Свободно катимся, как волны,
Ни звезд над нами, ни креста.

Горят в минувшее мосты.
А мы в тревоге бесполезной
Опять склоняемся над бездной,
Опять у огненной черты.